

Т. В. Филатов

Клонирование человека как фундаментальный экзистенциальный проект

1

Осознание человеком себя начинается с осознания телесности. Детские, точнее, младенческие впечатления ужасно хрупки и неустойчивы, так что впоследствии люди замещают их в своей памяти некими интерпретационными фантазмами. Но телесность — это первое, что приходит на ум, когда достаточно ясно осознающий себя индивид стремится проникнуть в свое отдаленное прошлое.

Здесь в сознании философа всплывает фихтеанская схема самопознания Я¹, которое структурирует внешний по отношению к себе мир, попутно разрушая собственную целостную самость. Действительно, для человека вещи и их субъективное восприятие представлены в неразрывном единстве, так что одно отделимо от другого только теоретически, но не практически или чувственно. Между тем мои восприятия — это часть меня самого, вследствие чего мы приходим к парадоксальному выводу: «Я есть Я»², то есть по ходу своего существования индивид может иметь дело только с самим собой. Таково, по-видимому, младенческое состояние невинности, когда человек еще не выделяет себя из мира, поскольку еще не имеет для этого достаточных концептуальных средств.

Вместе с тем, согласно одному из ключевых положений классической философии, к которой относится и Фихте, сущность человека заключается в мышлении³, которое объективирует себя в процессе познания, сводящемся, в конечном итоге, к самопознанию познающего индивида. Оно же, по Фихте, требует самоограничения, т. е. конструирования некоего не-Я, которое должно противостоять Я в качестве внешнего фона, тем самым определяя его посредством придания

¹ Фихте И. Г. Соч. в 2 т. Т. 1. СПб. : Мифрил, 1993. 687 с.

² Там же.

³ Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями: Диоптрика, Метеоры, Геометрия. М. : Изд-во АН СССР, 1953. 655 с.

ему некой финитной формы. Это как скульптура, создаваемая путем отсечения от изначальной бесформенной глыбы всего лишнего.

Первая, очевидная интуиция подобного отсечения структурируется в максимум: «Я есть тело». Такова личностная посылка материализма, начиная с индийских чарваков⁴, веривших в то, что с разрушением нашей телесной оболочки полностью прекращается и существование нашего Я.

Конкретизируем эту первичную, деструктивно-материалистическую интуицию. Я есть средоточие потока ощущений. Подобно тому, как все дороги России ведут в Москву, все ощущаемое отсылает нас к телесному, и ничто из ощущаемого не может ощущаться помимо него. Это то самое «кощеево яйцо», в котором заключены и индивидуальное бытие, и индивидуальная смерть. Только уничтожение тела непоравимо, тогда как все остальное еще не фатально. Пусть гибнут страны и континенты, взрываются звезды и стелкиваются галактики: все это не имеет ко мне никакого отношения до тех пор, пока не затрагивает моей телесной оболочки.

Увы, тело оказывается весьма уязвимым в беспорядочном потоке убийственных случайностей. Как говорил Вольтер в романе Булгакова «Мастер и Маргарита»⁵, «человек не просто смертен, он смертен внезапно!». Масло, случайно разлитое Аннушкой на рельсах, неудачно проглоченная косточка, внезапная радость, пьяный водитель и ошибшийся пилот — все это может стать причиной уничтожения тела — средоточия моей индивидуальной жизни. Отсюда — маниакальная забота о себе, о своей телесной оболочке, на которой жестко завязано все индивидуальное экзистирование. Только сохраняя свое тело, я продолжаю быть в мире, выражаясь словами Хайдеггера⁶. И это уже не инстинкт самосохранения, как у животных, ни одно из которых не знает, что оно умрет. Это вполне осознанная экзистенциальная программа, придерживаясь которой, индивид интуитивно планирует бесконечно длить свое бытие.

⁴ Чаттерджи С., Дата Д. Индийская философия. М. : Политиздат, 2009. 368 с.

⁵ Булгаков М. Мастер и Маргарита: Роман. Рассказы / Михаил Булгаков ; послесл. В. Татарина. М. : ЭКСМО-пресс, 1999.

⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad marginem, 1997. 452 с.

Увы, накопление знания рано или поздно открывает перед человеком новые печальные экзистенциальные перспективы. Минуя вершину своей жизни, он с тоской начинает замечать, как его тело начинает необратимо рушиться, причем без всяких деструктивных воздействий со стороны внешнего мира. С предельной емкостью данное ощущение выразил Ларошфуко, заметивший как-то, что старость — это преисподняя женщины⁷, которая по ходу жизни ощущает, что ее тело, первоначально вызывавшее у окружающих бурю эмоций, с течением времени все менее и менее привлекает внимание, зримо деградируя, жирея, покрываясь морщинами, так что на исходе дней уже не может вызвать никаких чувств, кроме глубокого отвращения.

Аналогично обстоит дело и с особями мужского пола. Правда, они деградируют не столько внешне, сколько внутренне. Как писал по этому поводу советский поэт Евгений Винокуров:

«Нет, потом будет старость. Она
Постучит к тебе в полдень осенний;
Удивительная новизна
Притупления всех ощущений!
И как край одеяла отбрось,
Холод старческий чувствуя в теле,
То, что жизнью когда-то звалось,
То, чего, зная, и нету на деле»⁸.

Связи мужчины с внешним миром постепенно слабеют и, наконец, полностью обрываются. Перефразируя Ницше⁹, можно сказать, что молодость женщины психологически продолжается до тех пор, пока она чувствует, что ее хотят, а молодость мужчины — пока он чувствует, что он хочет. Соответственно старость психологически осуществляется тогда, когда женщину больше не хотят, а мужчина больше никого не хочет.

⁷ Ларошфуко Ф. Максимумы; Паскаль Б. Мысли; Лабрюйер Ж. де. Характеры. М.: Худож. лит.-ра, 1974. 544 с.

⁸ Винокуров Е. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. литература, 1976.

⁹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.

Примечательно, что перспектива старости пугает человека гораздо больше, нежели даже внезапная смерть, главным образом вследствие своей неотвратимости. Если даже в пограничной ситуации между жизнью и смертью у индивида всегда остается шанс сохранить свое тело, то зримое и последовательное разрушение его по мере приближения старости не оставляет нам никаких экзистенциальных шансов, даже гипотетических.

Именно в этот период, осознавая неотвратимость тотальной деструкции телесного, составляющего сердцевину индивидуального бытия, человек судорожно пытается оттягивать свой конец. Стареющие мужчины вдруг начинают вести здоровый образ жизни, периодически садясь на диету, чтобы сбросить тянущий вниз слой жира, посещают тренажерные залы и даже бросают пить и курить. Что же касается склонных к обману женщин, то они активно прибегают к липосакциям и пластическим операциям, надеясь таким образом скрыть от посторонних глаз разрушительный процесс, подобно тому, как рачительный хозяин замазывает трещины, образовавшиеся на фасаде его дома, толстым слоем штукатурки.

Однако более всего в данном отношении преуспели индийские йоги, парадоксальным образом реализующие экзистенциальную программу, диаметрально противоположную программе сохранения телесности. Путем систематической практики асан они укрепляют свое тело, делая ее практически неуязвимым для болезней и прочих неприятных случайностей. В то же время практика пранаямы позволяет им контролировать дыхание и сердцебиение, существенно замедляя обменные процессы в организме, вследствие чего йог стареет значительно медленнее, нежели обычный человек, и в 50 лет выглядит на 25-30.

Увы, борьба с неотвратимо наступающей старостью, в конечном счете, обречена на поражение, вследствие чего все подобного рода практики удержания смерти завершаются трагически. В этой связи приходит на ум печальный опыт академика Амосова¹⁰, который пытался победить старость путем ежедневной практики силовых упражнений с гантелями. Провал этой методики он впоследствии описал в одной из последних своих статей.

Удержание смерти в принципе невозможно и потому бессмысленно. Необходимы более сильные средства, одно из которых — магия. Тело необходимо сохранить и после смерти, что дает ему шанс на последующее воскресение, пусть даже в некоей новой экзистенциальной реальности, отличной от нашего мира. Именно так рассуждали древние египтяне, мумифицировавшие своих покойников. Ведь если сохраненное зерно способно прорасти спустя многие годы, то почему нечто аналогичное не способно осуществить сохраненное человеческое тело?

По мнению египтян, человеческую личность составляло смешение шести структурных элементов: физического тела, тени, имени, ка (духа), ба (индивидуальности) и akh (бессмертия). Первые пять из них структурируются в личность уже в момент рождения, шестой — бессмертие — может быть присоединен к человеку после смерти. При этом без сохранения физического тела ни о какой загробной жизни не могло идти речи, поскольку именно к нему структурно прикреплялись тень, имя, ка, ба и akh¹¹.

Египтяне очень серьезно относились к своему экзистенциальному проекту, вследствие чего их земная жизнь превращалась в перманентную подготовку к смерти. Например, фараоны начинали строить свои усыпальницы практически с момента рождения. Отголоски означенного египетского проекта слышатся и в христианском культе мощей. Тело святого нетленно, как бы продолжая экзистировать даже после физической смерти соответствующего индивида.

Именно поэтому большевики когда-то поместили своего вождя в мавзолей: чтобы доказать всем, что Ленин — жив. Сегодня означенный египетский проект существенно измельчал и пошел в массы в форме криогенных технологий, когда человека в момент клинической смерти заливают жидким азотом с тем, чтобы он имел весьма смутную теоретическую возможность воскреснуть в глубоком будущем, когда наука, наконец, достигнет уровня, достаточного для его воскрешения.

¹⁰ См., напр.: *Николай Амосов*: «Бога нет, он придуман, но идея Бога, заложенная в мозгах миллионов, материальна и управляет людьми» — <http://www.gordon.com.ua/books/heroes/amosov/>

¹¹ *Рак И. В.* Легенды и мифы Древнего Египта. СПб., 1997.

Если говорить о философской стороне соответствующего проекта, то она с наибольшей силой представлена в учении Н. Ф. Федорова, в т. н. «философии общего дела»¹².

Как известно, этот оригинальный русский философ призывал человечество объединиться с целью осуществления программы глобального восстановления телесности посредством воскрешения всех людей, когда-либо живших на нашей планете. Иначе говоря, он планировал вечно длить индивидуальное экзистирование путем перманентного воссоздания материальных оболочек наших давно умерших предков.

3

Здесь следует отметить, что любой экзистенциальный проект с необходимостью порождает свое диалектическое отрицание, и египетская идея сохранения тела с целью его последующего воскрешения для продолжения прерванного экзистирования в новой реальности в этом отношении, конечно же, не представляет собой исключения.

Дело в том, что многие люди уже рождаются старыми, либо становятся таковыми. Едва осознав себя. При этом речь идет не только об инвалидах детства, но и о любых людях, чья телесная оболочка не соответствует принятым в данном социуме эстетическим нормам. Болезненность и некрасивость отчуждают тело от соответствующего индивида. Он начинает смотреть на себя со стороны, как на другого, испытывая при этом неудовлетворенность и раздражение, а неудовлетворенность, согласно Фрейд¹³, есть необходимая предпосылка всякой культурной деятельности. В результате ненавистное тело из объекта заботы и сохранения превращается в средоточие садомазохистских комплексов. Человек, страдающий в своей телесности, уходит от наивно-материалистического отождествления себя с телом, переходя к более изощренной установке, представляющей собой следующий кардинальный шаг в деструктурировании изначально целостного и тотального фихтеанского «Я».

¹² *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. М.: ЭКСМО, 2008.

¹³ *Фрейд З.* Неудовлетворенность культурой // Основной инстинкт: пер. с нем. / Ф. Фрейд. М.: Олимп, 1997. С. 431–511.

Глядя в зеркало на свою ущербную, хилую и болезненную телесную оболочку, человек приходит к выводу, что тело — это тоже не-Я; Я — нечто невидимое и нематериальное, впоследствии ставшее именоваться душой. Последняя, как нетрудно это заметить, структурируется в качестве антитезы телу. Душа — вечна и неразрушима, тело — временно и тленно; душа — чиста и прекрасна, тело — скопище пороков и страстей; тело — мерзкая темница, в которой страдает и мучается наша замечательная душа.

В результате в сознании индивида рождается новый экзистенциальный проект, который можно назвать платонистическо-христианским. Тело спасти нельзя, да и не нужно. Все экзистенциальные усилия следует сосредоточить исключительно на спасении души. И наиболее действенный путь для этого — умерщвление плоти. Чем более страдает и мучается тело, тем более просветляется душа. Забота о теле осуждается в христианстве как грех; здесь достаточно вспомнить хотя бы о двух из семи смертных грехов, носящих явно телесное происхождение: о чревоугодии и блуде. В дантовом аде жирные туши чревоугодников покоятся в грязи, и хищные птицы разрывают их своими когтями¹⁴.

Примечательно, что одним из первых против культа телесности, принятого в античном мире, выступил внешне безобразный Сократ, противопоставивший телесной красоте интеллектуальную добродетель мудрости. Еще более болезненным было отношение к телесности у Канта, что нашло свое выражение в работе «Религия в пределах только разума»¹⁵, повлекшей за собой отлучение престарелого профессора от преподавательской деятельности. Будучи хилым и болезненным ребенком, имевшим весьма мало шансов дожить до глубокой старости, Кант пожизненно тяготился своим несовершенным телом, представлявшим главную опасность для его экзистирования. Опасаясь внезапного его предательства и наступления смерти, он подчинил свою жизнь унылому единообразному ритму, подобно тому, как педантичные люди в

¹⁴ Данте. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М. : Правда, 1982.

¹⁵ Кант И. Религия в пределах только разума // Трактаты / И. Кант. СПб. : Наука, 1996.

одно и то же время заводят часовой механизм, надеясь таким образом подольше уберечь его от изнашивания.

Среди работ Канта есть трогательная статья-некролог¹⁶, посвященная одному одаренному юноше, который, вследствие слабого здоровья, умер очень рано, так и не реализовав своих творческих потенций. Очевидно, что, скорбя о нем, Кант примеривал его печальную судьбу на себя. Это одна из психологических причин того, что, пытаясь добиться рационального понимания религии, престарелый философ отвращается на непонятный метафизический бунт, отвергая христианский догмат воскрешения умерших во плоти как противоречащий разуму.

Постоянно имея перед глазами ущербное тело, доставлявшее его обладателю столько эстетических неудобств и физических страданий при жизни, невозможно полноценно вкушать райское блаженство. Скорее, наоборот: телесное убожество способно превратить любой рай в самый натуральный ад. В этой связи вспоминается одно из самых загадочных стихотворений молодого Блока, как ни странно, посвященное Канту, которого поэт, по понятным причинам, никогда в жизни не видел:

«Сижу за ширмой. У меня
Такие крохотные ножки...
Такие ручки у меня,
Такое тесное окошко...
Тепло и темно. Я гашу
Свечу, которую приносят,
Но благодарность приношу...
Меня давно развлечься просят,
Но эти ручки... Я влюблен
В мою морщинистую кожу...
Могу увидеть сладкий сон,
Но я себя не потревожу:
Не потревожу забытья,
Вот этих бликов на окошке...
И ручки скрещиваю я,
И также скрещиваю ножки.
Сижу за ширмой. Здесь тепло.

¹⁶ Кант И. Мысли, вызванные безвременной кончиной высокогородного господина Иоганна Фридриха фон Функа // Соч. в 6 т. Т. 2. М. : Мысль, 1964. С. 49–59.

Здесь кто-то есть. Не надо свечки.
Глаза бездонны, как стекло.
На ручке сморщенной — колечки»¹⁷.

Примечательно, что Кант на протяжении всей своей жизни усиленно избегал контактов с женщинами, поскольку стыдился своих маленьких ручек и ножек. Только вера в бессмертие души, внутренняя красота которой должна контрастировать с внешним убожеством тела, могла примирить Канта с миром, наполнив глубоким смыслом его повседневное существование. В этой связи с Кантом сближается Толстой, выступивший в свое время с критикой федоровского проекта глобальной телесной реконструкции человечества. Толстого интересовала одна простая вещь: когда последователи Федорова, собрав атомы, из которых состояли ранее умершие отцы, воскресят соответствующие тела, где будут находиться души этих умерших ранее людей?

Действительно, сами по себе телесные оболочки еще не тождественны исходной человеческой личности, поскольку, помимо телесного, необходимо реконструировать еще и духовное. Последнее, однако, по мнению Толстого, заведомо невозможно, вследствие чего мир будет заселен не нашими воскресшими предками, а бездушными монстрами, напоминающими людей чисто внешним образом.

В целом, противостояние Толстого и Федорова, концепций нетленной души и нетленной телесности, идеализма и материализма, позволяет выявить слабые стороны обоих означенных экзистенциальных проектов. «Философия общего дела» — мероприятие очевидно некрофильское. Восставшие из гроба покойники — это ходячие трупы, поскольку духовная составляющая их личности не может быть оживлена, будучи утраченной для вновь экзистирующего тела безвозвратно, поскольку ему придется сызнова, с чистого листа структурировать свой экзистенциальный мир.

С другой стороны, экзистирование заключенной в телесную оболочку бессмертной души, продолжающей быть вне и независимо от своего тела, само по себе ничем не подтверждено, кроме слепой иррациональной веры соответствующей

¹⁷ Блок А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 1. М.-Л. : ГИХЛ, 1960. С. 294.

щего индивида, проистекающей из принципиальной невозможности непротиворечиво помыслить бытие мира после прекращения процесса индивидуального экзистирования.

Например, человек может вообразить собственные похороны, но при этом, будучи воображающим, он помещает себя вне пределов своей телесности в тот самый мир, который он только что якобы покинул. Получается, что, с одной стороны, в этом мире его уже нет (как телесного объекта), но, с другой стороны, он обозревает этот мир и свое погребенное тело в нем как бы со стороны в виде некой духовной сущности, способной периодически покидать еще живое тело.

Возвращаясь теперь к египетскому экзистенциальному проекту, следует указать, что он предполагает интерпретацию умершего как уснувшего, которого рано или поздно можно будет вновь пробудить к жизни. В рамках же платонистически-христианского экзистенциального проекта умерший вечно бодрствует, только, в отличие от живого, его духовная и телесная субстанции разделены. Он продолжает присутствовать в мире, но нематериально, вследствие чего, будучи в мире, он не взаимодействует с ним физически, вследствие чего чисто телесные существа никак не могут ощутить его присутствие.

Платонистически-христианский проект организован так, что мертвые знают о живых все, но живые ничего не могут знать о мертвых. Между тем сомнения относительно продолжения индивидуального бытия после смерти фигурируют уже в Библии, в Книге Екклесиаста, или Проповедника¹⁸. Тем более сомнительным представляется означенный проект для современных людей, с ног до головы пропитанных картезианским скепсисом¹⁹. Не случайно цинически настроенный по отношению к религии Ленин определил богоскателя Толстого как помещика, юродствующего во Христе²⁰. Федоровский экзистенциальный проект предельно материалистичен, настолько, что его трудно ассоциировать с философией, особенно с

¹⁸ «Потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом; потому что все — суета! Все идет в одно место; все произошло из праха, и все возвратится в прах». Книга Екклесиаста, или Проповедника, гл. 3, ст. 19-20 // Библия. Ветхий и Новый заветы. Синодальный перевод. М., 2006.

религиозной. Воскрешение отцов абсурдно и бессмысленно как с христианской точки зрения, потому что Федоров пытается присвоить человечеству функции Бога, так и с точки зрения утилитарно-практической, поскольку подобного рода воскрешение представляет собой тот же процесс деторождения, только повернутый вспять. Смысл, однако, в том, что естественное движение человеческой жизни — от колыбели к гробу — не удовлетворяет Федорова, который превращает гроб в исходную точку повторного человеческого бытия. Толстой гениальным чутьем большого художника постиг глубинную некрофильско-извращенческую суть федоровского проекта.

Своеобразие нашего времени заключается, однако, в том, что египетское экзистенциальное проектирование, в отличие от платонистически-христианского, сегодня как никогда близко к своему окончательному осуществлению. Речь идет о клонировании человека — последнем продукте генной инженерии, потенциально позволяющем вечно сохранять телесные оболочки умерших живых существ путем их многократного воспроизведения. Тем самым египетское зерно, похоже, наконец-то проросло, спустя многие тысячелетия и в рамках экзистенциального проекта другой озабоченной бессмертием цивилизации. Пройдет весьма непродолжительное время, и мир наполнится многочисленными телесными копиями ранее умерших людей. Более того, можно одновременно создавать неопределенное множество копий усопшего, например, по одному Пушкину на каждый российский город.

Следующим этапом данного процесса может стать расшифровка генетической предыстории ныне живущих индивидов, что в буквальном смысле позволит воскресить телесные оболочки их отцов, воссоздав, тем самым, копии копий, а затем — дедов, прадедов и далее по возрастающей, что, по существу, превратит федоровский проект из антима-

¹⁹ «Человеку, исследующему истину, необходимо хоть один раз в жизни усомниться во всех вещах — насколько они возможны». Декарт Р. Первоначала философии // Сочинения в 2 т. Пер. с лат. и франц. Т. I / сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654, [2] с, 1 л. портр. (Филос. наследие; Т. 106).

²⁰ Ленин В. И. Лев Толстой как зеркало русской революции // Полн. собр. соч. Т. 17.

учной утопии в техногенную реальность. Примечательно, однако, что генно-инженерное воплощение федоровского проекта оказывается противоестественным не только религиозно, но и биологически. С точки зрения элементарной биологии клонирование представляет собой вегетативную форму размножения по типу почкования, характерную для простейших одноклеточных организмов (например, для потенциально бессмертных амеб). Означенная форма воспроизведения себя еще наличествует у растений. Так, поместив веточку, отсеченную от ствола дерева, в воду, можно дожидаться, пока оно пустит корешки, чтобы затем пересадить ее в грунт, получив, тем самым, точную копию (или клон) родительского растения.

Показательно, что у животных подобного рода механизм размножения уже отсутствует, и это свидетельствует о его эволюционной нецелесообразности. Дело в том, что половое размножение обеспечивает большую степень генетического разнообразия в популяции, что делает ее значительно более устойчивой в плане естественного отбора. Клонирование — это экзистенциальный тупик, некая метафизическая противоестественность. Воспроизводя телесные копии уже бывшего, мы не обеспечиваем, тем самым, продолжение его экзистирования, которое всякий раз будет начинаться с чистого листа. Умершую личность нельзя таким образом извлечь из небытия, равно как подарить ей вторую жизнь. Единственное, что позволяет реально осуществить клонирование, — синтезировать некий живой памятник, который будет символизировать умершего вследствие полного с ним генетического сходства.

Впрочем, подобного эффекта можно добиться и без генетических ухищрений, так сказать, лапидарно. Достаточно вспомнить многочисленных двойников, наводнивших улицы российских городов в постперестроечные годы, которые, в силу известной российской специфики слепого чинопочитания, по большей части склонны изображать сакральные начальственные фигуры типа Ленина и Сталина.

4

В данной связи приходит на ум непонятное тяготение отечественных (и не только) поэтов к разработке некрофильской темы собственного памятника. Кто в России не знает величественных пушкинских строк:

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа»²¹.

Впрочем, к федоровскому учению, наиболее точно выразившему метафизическую сущность египетского экзистенциального проекта сохранения телесности, в гораздо большей степени подходит странный опус малоизвестного ныне поэта начала XX века Василия Каменского: «Василий Каменский — живой памятник»:

«Комитрагический моей души вой
Разлитен будто на Каме пикник
Долго ли буду стоять я — Живой
Из ядерного мяса Памятник»²².

Здесь самое время вспомнить еще один экзистенциальный проект — древнегреческий, который в свое время активно конкурировал с древнеегипетским. Это была другая магия — магия подмены — не менее изошренная, чем магия мумифицирования.

Наивно-материалистические греки возвели телесность в культ, служа которому греческие юноши шлифовали свои тела в гимназиях, первоначально ориентировавшихся преимущественно на телесное, а не на духовное совершенствование индивидов. Те же олимпийские игры были замыслены не как противоборство индивидуальных и национальных честолюбий, а как агонально-экстатическое стремление к достижению божественного совершенства.

Именно к грекам восходит представление о калокагатии — сочетании красоты, доброты и ума. Причем, во главу угла всегда ставилось нечто чувственно очевидное и осязаемое — красота. Соответственно, красивый индивид автоматически причислялся к умным и добрым, тогда как относительно некрасивого подразумевалось, что он глупый и злой. Впоследствии внешне безобразный Сократ, причисляемый Ницше к нигилистам²³, опрокинул эту интуитивно ясную иерархию,

²¹ Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 2. М. : Художественная литература, 1974. С. 385.

²² Каменский В. Стихи. М. : Художественная литература, 1977. 270 с.

²³ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М. : Культурная Революция, 2005. С. 250–254.

противопоставив высшую добродетель мудрости более низким добродетелям доброты и красоты. Причем, последняя вообще интерпретировалась им как низменная. В качестве одного из наиболее действенных аргументов против стремления к телесному совершенству, использованных им в диалоге с Алкивиадом²⁴, было указание на недолговечность красоты, которая по ходу жизни безвозвратно утрачивается, вследствие чего сосредоточивать усилия на ее культивировании не имеет ни малейшего смысла.

По аристотелевским понятиям, тело есть единство формы («морфе»), которая активнее и важнее содержания, образуемого пассивной материей²⁵. Памятник — это попытка конструирования иного, более прочного тела, изоморфного живому, но отнюдь ему не изосодержательного. Структурируя себя из бронзы или из мрамора, я, по существу, транслирую свой образ в вечность, ибо, в отличие от хрупкой и недолговечной белковой оболочки, мраморные или бронзовые изваяния способны пережить века. Но что такое клон как не образ умершего, транслируемый в вечность? Как не вечно возрождаемый «Василий Каменский, из ядерного мяса памятник»?

Тем самым греческая скульптура оказывается до некоторой степени некрофильской и магической. Подобно бедным слоям египетского общества, которые не могли позволить себе мумифицирование, замещая в гробах неотделенные от разложения тела их изображениями, греки замещали покойника его статуарной копией, подсознательно полагая, что в таком виде — как статуя — покойник способен практически вечно длить свое экзистирование в виде образа, постоянно запечатлеваемого в коллективном бессознательном социуме. Не случайно Шпенглер определил созданную греками античную цивилизацию как статуарную²⁶. Тот же Цезарь, убиваемый заговорщиками, озабочен исключительно тем, чтобы принять красивую позу, которая сделала бы саму мучи-

²⁴ Платон. Алкивиад I // Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 860 с.

²⁵ Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1981. 613 с.

²⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М. : Мысль, 1993. 663 с.

тельную смерть неким эстетическим актом, своеобразным установленным мгновением, которое, как известно, прекрасно²⁷.

Основной недостаток древнегреческого экзистенциального проекта вполне очевиден: изваяние покойника вечно, но при этом неподвижно, подобно бытию Парменида²⁸, и потому мертво. Художественное выражение данного обстоятельства мы, например, встречаем в «Портрете Дориана Грея» О. Уальда²⁹, где видоизменялось, т. е. экзистировало, неся на себе тяжелые отпечатки проживаемой жизни, нарисованное художником изображение, тогда как сам герой телесно оставался вне времени и, соответственно, вне экзистирования. Примечательно, что попытка героя в финале произведения уничтожить стареющий портрет оборачивается его собственным мгновенным старением и смертью, а художественное произведение обретает при этом первоначальную чистоту и великолепие когда-то изображенной на нем молодости.

Исходя из сказанного выше, может показаться, что древнегреческий экзистенциальный проект замещения непрочной и разлагающейся телесности более устойчивой во времени материальной структурой еще менее осуществим практически, нежели древнеегипетский. Последнее, однако, не вполне верно. Можно попытаться функционально приблизить памятник к своему биологическому источнику, сделав его подвижным, мыслящим и, в конечном итоге, реально экзистирующим, на манер памятника пушкинскому Командору, который сошел с пьедестала с тем, чтобы пожать руку коварному Дон Жуану³⁰.

Так постепенно в культуре формируется идея робота, представляющего собой не что иное, как оживший памятник, т. е. попытку практической реализации древнегреческого экзистенциального проекта.

²⁷ Гете И. В. Фауст / пер. Б. Пастернака ; вступ. ст. и коммент. Н. Вильмонта. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1960.

²⁸ Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М. : Наука, 1989. 576 с.

²⁹ Уальд О. Портрет Дориана Грея. М. : АСТ, 2007. 320 с.

³⁰ Пушкин А. С. Каменный гость // Собр. соч. в 10 т. Т. 4. М. : Художественная литература, 1975.

Само слово «робот» было придумано в 1920 году чешским писателем Карелом Чапеком и впервые использовано им в пьесе «РУР» («Россумские универсальные роботы»)³¹. Впрочем, если искать концептуальные истоки соответствующей идеи, то на ум, прежде всего, приходит древнегреческий миф о кипрском царе Пигмалионе, влюбившемся в статую Афродиты и умолившем богиню оживить холодный мрамор³². Вспоминается также легенда о Големе — глиняном изваянии, оживленном каббалистами при помощи тайных заклинаний. Что же касается практических попыток воплощения соответствующей идеи, то уже в XII веке арабский ученый Аль-Джазари (1136—1206) сконструировал механических музыкантов, которые якобы могли играть на бубнах, арфе и флейте.

Здесь самое время вернуться к упоминавшемуся выше сакраментальному вопросу Толстого, адресованному им Федорову: где будут пребывать души людей, чьи телесные оболочки будут воссозданы по Федоровской технологии? В свое время Декарт сформулировал знаменитую максиму «Cogito, ergo, sum» («Мыслю, следовательно, существую»), согласно которой сущность человека сводится отнюдь не к телесности и ее проявлениям, а исключительно к чистому мышлению. Пока я мыслю, я существую, даже в случае полной утраты своей телесной оболочки, либо в случае ее перемены, как это случилось с одним из героев Кафки, Грегором Замзой, который по ходу жизни превратился в рыжего таракана³³.

Следуя логике Декарта, можно предположить, что, воссоздав процесс человеческого мышления, постигнув его сущность и механику, мы, тем самым, получаем возможность воссоздать человеческую душу. Не это ли, однако, в конечном итоге, рано или поздно позволит осуществить компьютер, который один из отечественных философов остроумно определил как протез головного мозга³⁴?

³¹ Чапек К. РУР. — <http://lib.ru/SOCFANT/CHAPEK/rur.txt>.

³² Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. М. : Мартин, 2008. 544 с.

³³ Кафка Ф. Превращение. Рассказы. М. : АСТ, 2001.

³⁴ К сожалению, не могу вспомнить, кому принадлежит это гениальное прозрение.

В этом суть. Ущербность федоровской философии и являющейся ее органическим развитием философии клонирования заключается в том, что сущность человека отнюдь не сводится к голой телесности. Это — духовность, проявляющаяся исключительно в мышлении, но не в чувствовании. В конечном счете, идеализм оказывается правее ущербного материализма, поскольку он приводит к более глубокому и потому более адекватному пониманию человеческого Я, которое в действительности есть душа, заключенная в темницу тела, а не тело как таковое. Но, сводя духовность исключительно к мышлению, как это делали все классические философы — от Декарта до Канта и Гегеля, мы, тем самым, получаем возможность практически реализовывать древнегреческий статуарный проект продления экзистирования после физической смерти тела, технически воссоздав мыслительный процесс соответствующего индивида.

Таким образом, бессмертное Я есть Я бестелесное. Это отнюдь не клон, копирующий умершего индивида исключительно внешне; это компьютерная программа, загруженная соответствующей экзистенциальной информацией, воссоздающей человеческую память, и способная в точности имитировать процесс человеческого мышления. Это Я можно будет копировать на внешние носители памяти, переинсталлировать, распространять по сети и т. п.

Что-то, однако, подсказывает нам, что бестелесное бытие в сети не будет полноценным. Машинное Я должно обладать возможностью считывания сенсорной информации из внешнего мира, т. е. не только мыслить, но и ощущать. Без этого восстановленное экзистирование не будет полноценным. Следовательно, необходимо перейти от стационарного компьютера к самодвижущемуся роботу, представляющему собой полное механическое воссоздание человеческой телесности, т. е. живой и подвижный памятник.

Но робот — это не обязательно ходячий кусок железа. Рано или поздно технологии шагнут так далеко, что означенных роботов можно будет собирать из биологического материала, например, клонируя и загружая мозг клона соответствующей экзистенциальной информацией о прожитой ранее жизни, точнее, о прожитых жизнях. Поскольку индуистские

представления о перманентном переселении душ рано или поздно, в соответствии с железной логикой истории, должны превратиться из метафизических в технические.

Таким образом, человечество сегодня стоит у порога реализации всех своих основных экзистенциальных проектов: от древнеегипетского и древнегреческого до христианско-платонистического и индуистского. Через некоторое время, по историческим меркам весьма незначительное, возможно будет перманентно воссоздавать не только тело человека путем его клонирования, но и душу — путем считывания, закачивания и копирования экзистенциальной информации, содержащейся в сознании конкретного индивида. При этом «душа» может существовать вне тела, скажем, в пространстве Интернета как соответствующая компьютерная программа, равно как можно представить себе существование тела без «души», скажем, в форме клона с чистым сознанием, куда не закачивается информация о прошлых жизнях индивида.

Возможны даже совершенно невероятные вариации. Например, я могу поместить в собственный клон чужую «душу», скажем, мечтаю быть таким же гениальным, как Эйнштейн, либо складывать стихи подобно Шекспиру, либо сочинять музыку в стиле Бетховена. Другой вариант: моя «душа» переселяется в чужое тело, например, в тело выдающегося спортсмена или киноактера, на которого я хотел быть похожим в своей прошлой жизни. Памятуя о Канте и о многих миллионах подобных ему людей, которые всю жизнь стеснялись ущербности собственного тела, можно высказать предположение, что через какой-то исторический период люди научатся исправлять свои тела и даже проектировать их, пользуясь услугами своеобразных телесных дизайнеров. Однако и это еще не все: аналогичным образом люди будут исправлять и проектировать собственные души.

5

Вернемся, однако, к федоровскому экзистенциальному проекту воскрешения отцов. Сто лет спустя после смерти Федорова бесконечное продление экзистирования будущих человеческих поколений уже представляется вполне вероятным. Но как быть с бесчисленными поколениями уже умер-

ших людей и что ждет нас самих, поскольку мы-то явно не дождемся наступления светлого федоровского завтра?

Сегодня вся наука однозначно свидетельствует против подобного предприятия. Время необратимо, и потому прошлое вернуть нельзя. Невозможно восстановить отцов, попросту собрав составлявшие их атомы, как это механистически мыслил себе Федоров. Клонировать можно только те тела, о которых сохранилась определенная генетическая информация, например, лежащего в мавзолее Ленина и, возможно, даже древнеегипетские мумии. Но как быть с миллиардами тех несчастных, от которых не осталось даже могил?

Впрочем, воссоздание отцовских телесных оболочек — это только первая, самая простая часть предприятия. Гораздо труднее воссоздать информационную составляющую отцовских личностей, их «души». Сегодня не вполне понятно, как вообще можно подойти к этому. Впрочем, по аналогии с палеонтологическими исследованиями, можно предположить, что когда-нибудь восстановление информационной составляющей индивида можно будет осуществлять по сохранившимся после него фрагментам и обрывкам информации. В этом отношении наибольшие шансы на восстановление имеют творческие люди, оставившие после себя море вербального материала. Например, с очень большой точностью может быть когда-нибудь восстановлена личность Ленина, осчастливившего человечество многотомным собранием сочинений, или личность Маяковского с его томами «партийных книжек».

Получается, что люди, ведущие дневники, поступали не столь уж глупо, хотя и не знали о том, что тем самым они информационно клонировали себя. В этом смысле для ныне живущих целесообразна некая информационная экология. Необходимо целенаправленно сохранять любую информацию, оставшуюся после умерших людей, рассматривая ее не в утилитарном плане интересности или пригодности для ныне живущих, а как необходимую предпосылку для последующего воссоздания информационной составляющей этих личностей.

Параллельно с этим необходимо создать специальные хранилища, где будет аккумулироваться генетический материал всех ныне живущих людей. Последнее необходимо для того, чтобы иметь в будущем практическую возможность их

воссоздания посредством клонирования. Конечно, подобного рода мероприятия — дело отдаленного будущего. Соответствующая философская идея все еще не овладела массами, без чего невозможно начало даже первых робких движений в этом направлении. Сегодня ситуация такова, что запрещение клонирования человека осуществилось на уровне декларации ООН³⁵. Следует, однако, констатировать, что в наши дни федоровский экзистенциальный проект уже не представляется абсолютно безумным, как это было сотню лет назад.

И все-таки исторический спор между Толстым и Федоровым все еще не закончен. Абстрагируясь от технической стороны дела, которая, в свете современных технологий генной инженерии и искусственного интеллекта, уже не представляется абсолютно непреодолимым препятствием, следует сосредоточиться на морально-этической стороне вопроса. У Федорова человек не дожидается, когда Бог сочтет нужным завершить историю и воскресить всех умерших во плоти; он сам своевольно берется за дело воскрешения отцов. Последнее, однако, превращает христианскую религию из откровения невидимого Бога в глобальный экзистенциальный проект человечества на манер фундаментального проекта Сартра³⁶, требующего от человека стать Богом.

С религиозной точки зрения учение Федорова — это сциентистская ересь человеческого индивида, возомнившего, что он способен практически осуществить то, на что реально способен только Бог.

Впрочем, уже бэконовская утопия «Новой Атлантиды»³⁷ была аналогичного рода ересью, поскольку, по существу, предполагала построение рая на Земле сугубо человеческими силами и средствами. Федоров просто довел соответствующую утопию до ее логического завершения, а развитие технологий искусственного интеллекта и генной инженерии во второй

³⁵ Декларация ООН о клонировании человека. http://www.un.org/russian/documen/declarat/decl_clon.htm

³⁶ Сартр Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 640 с.

³⁷ Бэкон Р. Новая Атлантида // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1972.

половине XX века открыло реальные пути для практического осуществления федоровского некрофильского проекта.

Допустим, что когда-нибудь это, наконец, свершится. Конечно, трудно предположить, что биоинформационное прошлое будет восстановлено реально, во всех деталях, большая часть которых перманентно утрачивается по ходу экзистирования. Однако его можно будет восстановить виртуально, т. е. в гораздо большем объеме, нежели это имело место в прошлом. В результате мы получим некую версификацию, т. е. мир симулякров, только подобный миру нашего реального прошлого, аналогично тому, как всякая историческая реконструкция есть всего лишь одна из возможных версий когда-то имевшей место быть действительности. Сама же эта действительность, как таковая, нам недоступна, подобно кантовской вещи в себе³⁸, что, по существу, превращает наше прошлое в нечто, столь же неопределенное и изменчивое, как и будущее³⁹.

В данной связи возникает резонный вопрос: зачем вообще нужна вся эта спектральная развертка истории? Поколения отцов некуда будет эволюционировать, потому что соответствующее место уже занято их детьми. В результате обитателям пещер каменного века придется совершить непонятный прыжок через тысячелетия, что, по меньшей мере, странно и противостоит естеству. Выход, однако, заключается в том, что история по определению многовариантна, поэтому воскрешенные отцы не будут в точности повторять свою уже осуществившуюся жизнь, эволюционируя в ином направлении, вследствие чего мы получим невозможную ранее полностью исторического бытия, бытие в вечности, когда вся история человечества будет явлена нам одновременно и, кроме того, параллельно будет разворачиваться неопределенное множество потенциально возможных историй, непрерывно получающих свою актуализацию.

Гораздо труднее пережить иное. Всякая экзистенция рано или поздно исчерпывает себя, так что бесконечно длить свое существование становится бесконечно скучно. Когда человек

³⁸ Кант И. Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. Т. 3. М. : Мысль, 1964. 799 с.

³⁹ Филатов Т. В. Неопределенность и изменчивость прошлого // Философия культуры '96 : сб. Самара, 1996.

не успевает чего-то сказать или сделать — это трагично, но когда все уже сказано и сделано, человеку нет смысла экзистировать далее, тупо смотря в телевизор и подсознательно настраиваясь на то, что скоро все это безобразно должно, наконец, куда-то завершиться. С подобного рода затруднениями столкнулся уже Данте, когда он попытался описать времяпровождение праведных душ в раю. Не случится ли как у Мисимы⁴⁰, что, построив Золотой Храм, человек, в конечном итоге, сожжет его? Ведь жизнь дорога нам лишь вследствие своей необязательности, и потому, превращая ее в обязанность, мы, тем самым, лишаем ее всякой экзистенциальной ценности, в отличие от смерти, исключительность которой в обществах будущего заставит ее ценить.

Дело в том, что рассмотренные выше экзистенциальные проекты не предполагают развития Я, перехода его из состояния невинности, задаваемого, по Фихте, формулой «Я есть Я», и падения (= познания), задаваемого формулой «Я не есть не-Я», в царство разума, дверь в которое открывает формула «Я есть не-Я и не-Я есть Я». Отделяя себя от мира посредством конструирования себя, человек, тем самым, разрушает себя, навеки заключая свое Я в тюрьму телесности. Критикуя Сократа, провозгласившего когда-то: «Познай самого себя!»⁴¹, Ницше через века грустно констатирует: «Познавший себя — собственный палач!»⁴². Последняя тайна экзистирования заключается в том, что духовность — это такая же тюрьма для индивида, как и телесность. Предаваясь болтовне и растворяясь в людях, человек оказывается прикованным к определенному виду духовности, подобно тому, как, будучи брошенным в этот мир, он прикован к определенному виду телесности. И потому «телесный» материализм и «духовный» идеализм, в конечном счете, преодолеваются нигилизмом, стоящим по ту сторону добра и зла⁴³, и ведущим к Золотому Храму Мисимы.

⁴⁰ Мисима Ю. Золотой Храм. СПб. : Симпозиум, 2000.

⁴¹ Кессиди Ф. Х. Сократ. СПб. : Алетейя, 2001. 352 с. (Античная библиотека. Исследования).

⁴² Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом. Соч. в 2 т. Т. 2 М. : Мысль, 1990. С. 556—631.

⁴³ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // соч. в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. С. 238—406.

Возвращаясь к экзистенциальному проекту Федорова, следует констатировать, что преодоление христианства осуществляется вовсе не за счет его пародирования путем практической реализации заложенных в нем идей, включая главную — воскресение. Человек, как учил Ницше, есть то, что следует превозмочь⁴⁴, но его замещение сверхчеловеком представляется собой всего лишь один из промежуточных этапов подобного преодоления. Окончательным оно становится только тогда, когда преодолевается индивидуальность как таковая.

Обозревая западную философию XX столетия, мы находим только одного мыслителя, который, по степени безумия выдвигаемых им идей, не только приближается к Федорову, но и значительно превосходит его. Это — Пьер Тейяр де Шарден с его космической утопией, изложенной в книге «Феномен человека»⁴⁵. Сущность Я заключается в его абсолютной автономии, в полной отделенности внутреннего мира Я от внешнего мира не-Я. В себе Я абсолютно суверенно⁴⁶, потому что оно единственно. Никто не может непосредственно включиться в процесс моего мышления, и когда это невозможно все-таки случается, мы говорим о жуткой болезни души, именуемой безумием или, медицински более точно, шизофренией⁴⁷. Даже Декарту, несмотря на все его философские ухищрения, так и не удалось корректно доказать, что, помимо моего Я, в мире существует еще какое-то другое Я, например, Бог⁴⁸. Подобного рода доказательство нельзя найти логически, а только практически, разрушив собственную индивидуальность, сломав защитные стены, отделяющие Я от не-Я.

Именно это и осуществится, согласно постхристианскому проекту Шардена, в тот момент, когда рухнут грани меж-

⁴⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч. в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990.

⁴⁵ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.

⁴⁶ О суверенности Я говорил еще Эпиктет // Беседы Эпиктета. М. : Ладомир, 1997. 312 с.

⁴⁷ Барбара О'Брайен. Необыкновенное путешествие в безумие и обратно (Операторы и Вещи). М. : Класс, 1996.

⁴⁸ Декарт Р. Метафизические размышления // Избр. произведения / Р. Декарт. М. : Гос. издат. политич. лит., 1950.

ду индивидуальностями, и человечество, представляющее ныне хаотическую совокупность атомарных Я, в единое мультителесное существо, именуемое Шарденом «Духом Земли». По нашему мнению, переход от монотелесного к мультителесному существованию не будет мгновенным. Грани между индивидуальностями и телесностями будут стираться постепенно, когда люди, как об этом уже говорилось выше, станут свободно конструировать свои души и тела, тем самым, избавившись от жесткой привязки к тому и другому. Это будет более высокий уровень интеграции, аналогично тому, как хаотически разномыслящиеся одноклеточные, в конечном итоге, трансформируются в качественно более сложный многоклеточный организм.

Далее логика Шардена довольно прозрачна. Сверхчеловеческое и сверхдуховное единство мультителесного, «Дух Земли», будучи последним этапом планетарной эволюции, по идее, не может быть последним звеном эволюции Вселенной, в которой складывается общность более высокого порядка — космическая. И если это действительно так, то она уже есть, ее породили разумные миры, возникшие когда-то вокруг звезд первого поколения, ныне практически переставших светить. Наш мир, сформировавшийся вокруг звезды второго поколения, сравнительно молод, но, пребывая в локальности, он должен был дозреть до подключения к сети космических миров.

Так это или не так, станет известно только в точке Омега⁴⁹, когда информационный поток, генерируемый «Духом Земли» и устремленный в космос, внезапно соединится с другим, более мощным потоком, идущим из глубин космоса. Так, по Шардену, явит себя Космический Христос. Последнее и будет своеобразным моментом истины для религии, окончательным подведением итогов ее тысячелетней эволюции. Тогда только и выяснится, была ли вера многих поколений людей истинной, либо одинокому и ограниченному в своих пространственно-временных масштабах человечеству придется экзистировать с опорой исключительно на собственные силы. Как написал по этому поводу Маяковский:

⁴⁹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.

«Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

Глухо.

Вселенная спит,
положив на лапу
с клещами звезд огромное ухо»⁵⁰.

* * *

Клонирование и искусственный интеллект — это начало конца человечества. Это как стояние на краю обрыва, где открываются перспективы страшные и манящие. Человечество, по большей части, еще не понимает этого, но его экзистенциальный инстинкт заставляет сегодня осуществить наиболее очевидное движение — отшатнуться от края. Именно поэтому ООН, как указывалось выше, по существу призвала человечество навеки отказаться от самоклонирования. Насколько действенным окажется этот призыв, покажет уже ближайшее будущее, однако анализ истории науки заставляет усомниться в эффективности подобного рода охранительных мероприятий. Человеческая телесность и духовная индивидуальность рано или поздно будут преодолены самим человеком, потому что такова наша экзистенциальная судьба.

⁵⁰ *Маяковский В. В.* Облако в штанах // Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 196.

Виктор Пелевин: слово и тело

Виктору Пелевину уже много лет отдают то первое, то второе место в рейтинге популярности среди серьезных писателей. Здесь у него есть могучий конкурент — Владимир Сорокин, и состязание идет на равных. Но где Пелевин первенствует неоспоримо и превосходит всех — это в области социальной диагностики и прогностики. Прогностический дар даже заставил его бросить недописанной одну из повестей: предсказанный в ней взрыв башен-«близнецов» произошел на самом деле. Пелевин испугался, что программирует реальность. Он ведь и кризис 1998 года описал задолго до кризиса.

Но его диагнозы еще интереснее: тут не заподозришь, что «попадание» было случайным. Когда сразу после выхода был раскритикован роман «Поколение П», у его немногочисленных защитников был один несокрушимый аргумент: Пелевин писал не книгу «для вечности» (что старается сделать большинство авторов), а «книгу года» — поразительно точный портрет России-2002, с ее проблемами и менталитетом именно этой поры — ни раньше, ни позже.

Если Виктор Пелевин и впрямь писатель-барометр, особый интерес представляет то, как со временем меняется его взгляд на вещи: можно ожидать, что и эта динамика тоже отражает изменения окружающего нас мира. Например, отношение прозаика к телесно-предметной стороне бытия за 20 лет стало принципиально другим. Из главной помехи человеческой свободе она превратилась у Пелевина в «искомое» — утраченную, но необходимую опору индивидуального существования. Как и почему это произошло?

В ранних рассказах автора мир — это «наседающая» на человека, густая физически осязаемая реальность. В ней каждый предмет — полномочный представитель некоторого порядка, угрожающего человеческой жизни. Предметное олицетворяет его недобрую тяжесть, то бремя, которое надо сбросить. Главный пелевинский герой этого времени — беглец, повторяющийся сюжет — бегство из такого мира. Шансы на спасение человеку дает то, что натиску этой гнетущей пред-